

Л. БОРОВОЙ, ПУТЬ СЛОВА

изд. «Советский писатель», М., 1960

«Диалектика слова» — так хочется озаглавить книгу Л. Борового «Путь слова».

За последние годы вышло в свет несколько научно-популярных книг о языке (Л. Успенский — «Слово о словах», Б. Казанский — «В мире слов» и др.). Работа Л. Борового заметно отличается от них: главный упор в ней сделан не на «внешней» истории слова (как оно возникло, когда, где), а на внутренней — борьба значений, их последовательная смена. Книги такого типа наша литература еще не знала.

В. И. Ленин писал в конспекте книги Гегеля «Наука логики», что если материалистически перевернуть Гегеля, то «...гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем и отражение этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (т. 38, стр. 136).

Диалектика мысли не может не отразиться на диалектике слова. И вот Л. Боровой прослеживает, как «обламываются», «обтесываются» слова, чтобы помочь мысли «обнять мир». Книга учит вдумчивому разглядыванию слова, учит чувствовать его.

Автор всматривается сам и заставляет взгляды читателя в более чем сотню слов и словосочетаний (например, *лукоморье, ближний, выдвигенец, шкраб, самоморье, деятельность, самокритика, ангел, авоська, маленький человек, добрый малый, бывшие люди, точка зрения, класс, товарищ, вдохновение, халтура* и др.), в ход их смысловых изменений, в «яростные схватки слов», за которыми видны бои между мировоззрениями, слышны отзвуки классовых битв.

Слова — люди — века... Богатейшая коллекция примеров применения слов. Десятки и десятки фамилий (жаль, что в конце нет именного указателя) писателей, ученых,

политических деятелей, артистов. Революции, войны, литературные баталии, отрывки из истории флота, театра, школы, железной дороги, военного дела и т. д.

О достоинствах этой содержательной книги хорошо сказал Л. Славин в «Литературной газете».

Не будем пересказывать разделы этой интересной и нужной работы: нам кажется, ее с пользой для себя прочтет каждый занимающийся русской литературой критик и литературовед, каждый языковед-русист, каждый словолуб. Выскажем только некоторые соображения и пожелания.

Нам кажется, что сам материал, приведенный в главке «Железнодорожник», противоречит выводу Л. Борового: «Новый «железнодорожник» — это не переосмысление старого, не возвращение архаизма! Вновь сложилось... новое слово *железнодорожник*...» (стр. 73).

Вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением автора: «Вплоть до революции самые плодотворные и прогрессивные неологизмы были заимствования или переводы иностранных слов — политических и технических. Остальные (подчеркнуто нами. — Э. Х.) неологизмы были только вялые, чисто литературные переименования старых чувств и понятий во имя «освежения» литературного языка» (стр. 86). А как же *партийность, большевики, меньшевики, хвостисты, отзовисты, ликвидаторы, зубатовщина* и др.?

Почему *широковещательный* — «плохое слово» (стр. 125—126)? Читателю интересно было бы знать, но автор не дает ответа.

Жаль, что в главе «Даешы!» совсем не использован Маяковский. У него семь стихотворений имеют в заглавии это слово. Интересно было бы проследить, как «обламывается» *даешы!* у Маяковского.

Как сообщает Л. Боровой, по специальному указанию Президиума Академии педагогических наук слово *учеба* изгнано из всей педагогической литературы. Л. Боровой добавляет от себя: «*Учеба* стала уже жаргонизмом — архаизмом» (стр. 217). Однако повседневная практика этого не подтверждает.

В главе «Интеллигент, интеллигенция...» можно было бы рассказать об отношении К. А. Тимирязева к этим словам и использовать воспоминания Л. Любимова («Новый мир», 1957 г.) о третировании петербургским высшим светом слова *интеллигенция*.

Десятилетие, которое Горький назвал самым позорным в истории русской интеллигенции, Л. Боровой считает самым критическим моментом в «истории слова-понятия *интеллигенция*». На наш взгляд, самый критический момент в истории этого слова наступил позже — во время революции и гражданской войны. И продолжался вплоть до начала 30-х годов.

Почему *самокат* — «словотворка» Хлебникова (стр. 325)? Это слово существовало до Хлебникова.

Трудно согласиться с автором, когда он говорит, что слово *самодельность*

заново сложилось в годы революции: так бы могло быть, если бы оно существовало до этого только в отдельных диалектах или было позабыто в общенародном языке.

Андреевское «само» не стало словом языка. Непонятно, почему Л. Боровой (стр. 335) считает, что «само» превращается в существительное.

Старик из «Кому на Руси жить хорошо» любит «ботинкой крохотной», конечно же, без всякой чувствительности, без дум о женской ножке «со всеми ее ассоциациями и всей ее поэтикой» (стр. 431). Он видит в мыслях обутому в эту «ботинку» детскую ножку внуки.

«Язык имеет свои собственные интересы — то, что мы называем его внутренними законами. Буржуазия не давала ему развиваться по этим законам, и она была по-своему права, потому что эти законы чаще всего отражали чуждые и антагонистические ей, повстанческие движения народной жизни» (стр. 481). А по каким законам он развивался, если ему не давали развиваться по внутренним? Как могут внутренние законы языка отражать повстанческие движения народной жизни? Не слишком ли все это прямолинейно? Ср. с этим и сказанное на стр. 603—604.

На стр. 160 Л. Боровой замечает: «Ленин, как известно, не любил новые сокращения, не любил и кавычки».

Ленин был не против «новых сокращений» вообще, а против злоупотребления ими. Иные из сложносокращенных слов Владимир Ильич и сам употреблял (например, *ГОЭЛРО, комчанство, СНК* и др.). Что касается употребления кавычек, то среди цитат из Ленина, имеющих в книге, десять содержат слова, заключенные в кавычки (стр. 12, 34, 69, 70, 94, 160, 225, 366, 539).

Вряд ли можно согласиться со сказанным о сегодняшнем звучании слова *общественник*: «Слово широко пошло и уже скоро стерлось, обветшало и расплылось. Сегодня оно звучит уже слишком общо. Настоящий общественник и общественница уже давно имеют ту или иную специальность в общественной жизни и по этой специальности себя и называют» (стр. 108—109). Но ведь и сегодня, когда говорят «общественник», все понимают, что речь идет о лице, активно участвующем в общественной жизни. Общественник — это как бы вторая профессия человека. А потом уже уточняется, какие «специальности» этой профессии ему знакомы.

Укажем на некоторые неточности.

Помещенная на стр. 252 цитата взята не из работы В. И. Ленина «Что делать?», как пишет Л. Боровой, а из другой — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов».

В рассказе М. Шолохова «Судьба человека» нет эпизода, приведенного Л. Боровым на стр. 420. Этот эпизод есть в сценарии.

Н. К. Черкасов не снимался в фильме «Великий гражданин». Речь идет о «Депутате Балтики» (стр. 192).

«В 1954 году были опубликованы первые записи «Из трех тетрадей» С. Чекмарева — рядового и пламенного участника всенародной борьбы в годы пятилеток, а затем в годы Отечественной войны» (стр. 407). С. Чекмарев погиб в 1933 г. Впервые записи опубликованы в 1956 г. («Новый мир», № 1).

Слово, имеющее несколько значений, называется не омонимом (стр. 436), а многозначным словом.

Фамилии Черных, Седых, Русских и под. в литературном языке не склоняются (стр. 279).

В слове «подъинтеллигентский» (стр. 113, 491 и другие) постановка «твердого знака»

не соответствует правилам современной орфографии.

«Хроника Григория Амартола», а не «Хроника Григория Амартолы» (стр. 319). «Засапожником» называли нож, а не топор (стр. 521).

Поэта Вознесенского зовут не Александром, а Андреем (стр. 452).

«Путь слова» — новаторская вещь. Спорные места и частные недочеты никак не могут опорочить ни авторского замысла, ни содержания книги. Своеобразная книга эта — результат многолетнего труда. Проблемы ее — неизбежные «издержки производства». Их можно легко устранить при переиздании.

Эр. Ханпира